

Владимир Кожевников

Отдел К: Код Феникса

Владимир Кожевников

Отдел К: Код Феникса

<https://litres.ru/74377449>

SelfPub; 2026

Аннотация

По всему миру происходят необъяснимые исчезновения: люди рассыпаются в идеально ровный пепел прямо на камерах наблюдения. Секретный Отдел К выясняет, что причиной стали «Зоны Тишины» — пространства с нарушенными законами физики, возникшие после неудачного квантового эксперимента. Единственный, кто вернулся из такой зоны, — загадочный Феникс. Его тело мерцает между реальностями, а на стенах камеры он пишет уравнения, способные остановить катастрофу.

Оперативник Даниил Кравцов отправляется в эпицентр, чтобы найти «Сердце Феникса» — артефакт, создавший первую Зону. Но чем глубже он погружается, тем яснее понимает: спасти мир можно, лишь уничтожив Феникса и потеряв ключ к новой физике, либо рискнуть слить его сознание с ИИ и создать цифрового бога, которому не нужен будет человек. Времени всё меньше: Зоны расширяются, и скоро реальность истончится навсегда. Кравцову предстоит сделать выбор, где цена — не только его жизнь, но и сама человечность.

Содержание

Глава 1. Пепел, который не пахнет	4
Глава 2. Уравнения на коже	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Владимир Кожевников

Отдел К: Код Феникса

Глава 1. Пепел, который не пахнет

Даниил Кравцов не любил, когда звонок вырывал его из сна в час ночи. Тело помнило старые привычки: мгновенный выброс адреналина, холод в солнечном сплетении, вкус меди на языке. Он лежал в темноте, слушал, как вибрирует телефон на тумбочке, и мысленно прощался с остатками сна. Потом снял трубку.

— Кравцов. Промзона на Каширском шоссе. Двадцать третий километр. Срочно.

Голос Лосева звучал глухо, будто из-под воды. Даниил не переспрашивал. В Отделе К не переспрашивали.

Через сорок минут он стоял возле оцепления. Жёлтая лента полиции перекрывала въезд на территорию бывшего завода. За ней, в свете прожекторов, сустились люди в защитных костюмах. Дождь моросил — мелкий, почти невесомый, но противный, оседающий на лице ледяной плёнкой. В воздухе пахло мокрым бетоном, ржавой арматурой и чем-то ещё — едва уловимым, сладковатым, как разлагающаяся листва.

Лосев встретил его у входа. Высокий, сутулый, с вечно усталым лицом.

— Что случилось? — спросил Кравцов, перешагивая через ленту.

— Опять.

Это слово заставило Даниила остановиться. Он знал, что значит «опять». За последние две недели по стране прокатилась волна странных исчезновений. Семь случаев. Восемь, если считать этот. Но официально Отдел К не имел к ним отношения. Официально это были несчастные случаи, сердечные приступы, пропавшие без вести. Неофициально — кошмар, который никто не мог объяснить.

— Показывай, — сказал Кравцов.

Они прошли мимо группы экспертов, склонившихся над приборами. Приборы пищали, мигали красными огнями, но, судя по лицам, результат был нулевой.

Место происшествия было огорожено переносными прожекторами. На тротуаре, в луже слабого света, лежала кучка серого порошка. Она имела форму человеческого тела — раскинутые руки, ноги, даже пальцы. Только вместо плоти и костей — пепел. Идеально ровный, будто его просеяли через сито и уложили с микронной точностью. Ни одна частица не выбивалась из контура.

Кравцов присел на корточки. Пепел не имел запаха. Со всем. Он наклонился ближе, почти касаясь носом. Ни гари, ни пыли, ни смерти. Пустота. Это было самое страшное — вещество, которое ничем не пахло, потому что не принадлежало этому миру.

— Камеры? — спросил он, не оборачиваясь.

— Вот.

Лосев протянул планшет. На экране застыл кадр: мужчина лет сорока, серое пальто, портфель. Время — 23:47. Он шёл по тротуару вдоль бетонного забора. Спешил? Нет, шёл спокойно. На лице — обычная вечерняя усталость.

Запись воспроизводилась с задержкой. Мужчина сделал шаг. Ещё шаг. На третьем шаге изображение пошло рябью — как старый телевизор, ловящий помехи. Силуэт на мгновение стал прозрачным. Сквозь него, как сквозь грязное стекло, проступили очертания забора. Затем — один кадр — и тело осыпалось вниз. Не упало, не сгорело, а именно осыпалось, как будто молекулы разом потеряли связь друг с другом. Портфель глухо ударился об асфальт. На земле остался серый след.

Кравцов перемотал назад. Поставил на паузу в момент ряби. Приблизил. Пиксели расплывались, но он заметил странное: вокруг тела, за миг до распада, воздух словно сгустился. Как над раскалённым асфальтом в жару. Только холодный, не тёплый.

— Излучение? — спросил он.

— Фонит. Но спектр неизвестен. Наши приборы его не идентифицируют.

— А американцы?

Лосев промолчал. Кравцов понял: это не первый раз, когда американские следы всплывают в подобных делах. Отдел

К уже сталкивался с аномалиями, связанными с их квантовыми экспериментами. Но сейчас всё было серьёзнее.

Он достал телефон. Набрал номер.

— Морозов.

— Товарищ полковник, Кравцов. Восьмой случай. Тот же почерк.

Пауза. Потом:

— Возвращайся. Всё бросай. Срочно.

Кравцов убрал телефон. Посмотрел на Лосева.

— Собери всё. Камеры, портфель, пепел. И — тишина. Никому.

— Понял.

Через час Даниил сидел в кабинете начальника Отдела К. Это был не обычный кабинет — скорее командный пункт, уставленный мониторами, картами и приборами. Полковник Морозов, грузный, лысеющий, с морщинами, похожими на трещины в старом бетоне, разложил на столе фотографии. Восемь снимков. Восемь силуэтов из пепла. Москва, Питер, Казань, Екатеринбург. И все — за последние две недели.

— Почему ты узнал об этом только сейчас? — спросил Морозов, не глядя на него. — Потому что мы не хотели паники. Но теперь паника — не главное.

— Что главное? — спросил Кравцов.

— Расширение.

Морозов повернул ноутбук. На экране — карта России. Красные точки — три крупные аномалии. Но вокруг них,

как сыпь, расползались десятки мелких. Москва, Питер, Казань, Екатеринбург — это были лишь отголоски, места, где реальность истончалась и люди проваливались в никуда. А эпицентр — один: заброшенный город в Сибири. На карте он пульсировал, как открытая рана.

— Это Зона Тишины, — сказал Морозов. — Пространство, где физика сошла с ума. Время течёт вспять. Причинно-следственные связи нарушены. Люди, попавшие туда, не возвращаются. А если возвращаются — то уже не людьми.

— Кто-то вернулся?

— Один. Его нашли три месяца назад. Голый, босой, шёл по снегу при минус сорока. Температура тела — сорок два. Сердце — двести ударов в минуту. Он не замерзал. Снег под его ногами таял, но не оставлял луж. Испарялся мгновенно.

Кравцов почувствовал, как холод пробрался не под куртку, а глубже — в то место, где раньше жила уверенность, что мир устроен по понятным законам. Эта уверенность треснула.

— Где он? — спросил Даниил.

— В нашей лаборатории. Уровень минус четыре. Мы зовём его Феникс.

— Почему Феникс?

— Потому что он умер там. И возродился. Но уже не тем, кем был.

Морозов вытащил фотографию. На ней был мужчина со впалыми щеками, коротко стриженный. Глаза — светло-се-

рые, почти белые. Кожа на снимке была размыта, как будто он двигался с огромной скоростью, хотя снимок был статичен.

— Он пишет уравнения, — продолжил Морозов. — На стенах, на полу, на себе. Мы не можем их расшифровать. Но если верить нашим математикам, они описывают структуру реальности. Возможно, способ стабилизировать Зоны.

— И почему вы его не используете?

— Потому что его присутствие опасно. Воздух вокруг него... меняется. Предметы теряют плотность. Люди, которые долго находятся рядом, начинают видеть сны, которые не принадлежат им. А иногда — исчезают. Как те, на тротуарах.

Кравцов встал.

— Я хочу его увидеть.

Морозов кивнул.

— Северцева тебя проводит.

Анна Северцева ждала его в коридоре. Она стояла, прильнув к стене, и что-то читала на планшете. Тёмные волосы собраны в небрежный пучок. На переносице — очки в тонкой стальной оправе. Пальцы длинные, нервные, с обкусанными ногтями. Она не подняла глаз, пока Кравцов не подошёл вплотную.

— Вы видели пепел? — спросила она вместо приветствия.

— Да.

— И как?

— Он ничем не пахнет.

Северцева подняла взгляд. В её серых глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Первое, что замечают все, — отсутствие запаха. Вы внимательны.

— Стараюсь.

Они пошли по коридору. Под потолком гудел климат-контроль. В воздухе висела смесь озона и чего-то приторно-сладкого, как в ожоговом отделении.

— Что вы знаете о Зонах? — спросила Северцева.

— Только то, что сказал Морозов.

— Тогда вы знаете слишком мало. Зоны — это не просто аномалии. Это разрывы в ткани реальности. Двери в... никуда. Или в другое место. Мы пока не поняли. Но они растут.

— Почему?

— Из-за эксперимента. Два года назад американцы попытались создать квантово-запутанную сеть. Связь, которая работает быстрее скорости света. Но что-то пошло не так. Они разорвали пространство. И теперь Зоны расширяются, как трещины в стекле.

— И при чём здесь Феникс?

Северцева остановилась возле массивной двери.

— Феникс — первый, кто прошёл сквозь трещину и вернулся. Он не человек. Он... отпечаток.

— Чего?

— Чужой физики.

Она приложила палец к сканеру. Набрала код. Дверь с шипением отъехала в сторону.

За ней был наблюдательный пост с панорамным стеклом. Внизу, в стерильной комнате, сидел на полу человек. На нём был серый комбинезон, испачканный чем-то тёмным. Вокруг него на стенах, на полу, на потолке — сотни, тысячи уравнений. Символы, формулы, графики. Они были написаны неровным почерком, но с какой-то безумной точностью. Линии пересекались под углами, которых не должно быть в евклидовой геометрии. Буквы, напоминающие греческие, но с лишними штрихами. Числа, которые, казалось, двигались, если смотреть на них боковым зрением.

Кравцов прижался лбом к стеклу. Феникс писал. Быстро, судорожно. Его правая рука двигалась с нечеловеческой скоростью. Пальцы оставляли за собой чёткие следы, хотя писал он, как позже узнал Даниил, собственным ногтем, обмакнутым в чернила. Или не в чернила.

Тело Феникса мерцало. На доли секунды он становился полупрозрачным. Сквозь него просвечивала стена с формулами. Иногда казалось, что его кожа покрывается узором — как будто под ней течёт не кровь, а звёздная пыль.

Внезапно он остановился. Медленно повернул голову. Посмотрел прямо в стекло.

— Он нас видит? — прошептал Кравцов.

— Он видит не нас, — ответила Северцева. — Он видит... то, что за нами.

Феникс улыбнулся. И в этот момент Кравцов почувствовал, как пол под ногами дрогнул. Совсем чуть-чуть. Но достаточно, чтобы понять: реальность больше не была твёрдой. Она была тонкой, как лёд на весенней реке. И где-то под ней, в тёмной глубине, шевелилось то, что не имело имени.

А потом Даниил увидел отражение.

На стекле наблюдательного поста, за его спиной, стоял Феникс. Тот же самый человек, что сидел внизу. Но он не был внизу — он был здесь. Кравцов резко обернулся. Позади никого не было. Только пустой коридор и гудящий климат-контроль.

Он снова посмотрел в стекло. Феникс внизу всё так же улыбался. Его тень на полу двигалась с задержкой на полсекунды.

— Вы видели? — спросил Кравцов.

— Да, — ответила Северцева. — Это нормально.

— Нормально?

— Для него — да. Он не здесь и не там. Он между.

Кравцов смотрел на человека внизу. Феникс поднял руку и прижал ладонь к стеклу — с той стороны. И на ладони Кравцов увидел уравнение. Оно светилось слабым голубым светом. И, глядя на него, Даниил почувствовал, как в его голове что-то сдвинулось. Как будто невидимая рука перевернула страницу реальности.

— Что это? — прошептал он.

— Код Феникса, — ответила Северцева. — Он пишет его

не только для нас. Он пишет его для Вселенной.

Пол снова дрогнул. На этот раз сильнее. Лампы в коридоре мигнули. Где-то завывала сирена.

— Тревога, — сказала Северцева. — Пойдёмте.

Кравцов не двинулся.

— Куда?

— В оперативный штаб. Начинается.

— Что начинается?

Северцева посмотрела на него. Её серые глаза потемнели.

— Слияние Зон. Если мы не успеем, через три дня Москва станет пеплом.

Глава 2. Уравнения на коже

Штаб Отдела К располагался на уровне минус шесть. Воздух здесь был спёртым, пах озоном и нагретой изоляцией. Кравцов вошёл следом за Северцевой и сразу ощутил на себе взгляды — тяжёлые, оценивающие. В полумраке оперативного зала, освещённого лишь мониторами и аварийными лампами, собрались те, кто знал о надвигающейся катастрофе.

Морозов стоял перед интерактивной картой. Красные пятна на ней больше не были статичными — они пульсировали, расширяясь и сжимаясь, словно живые организмы. Ритм был одинаковым для всех трёх крупных аномалий.

— Они дышат, — произнёс Морозов, не оборачиваясь. — Синхронизировались. Как лёгкие.

Кравцов подошёл ближе. Пульсация действительно напоминала дыхание: вдох — пятна растягивались, выдох — съёживались. В этом было что-то противоестественное, вызывающее тошноту.

— Когда началось? — спросил он.

— Через двадцать минут после того, как Феникс закончил новое уравнение, — ответила Северцева. — Мы думаем, он не просто пишет о Зонах. Он ими управляет.

— Или предупреждает, — возразил Морозов. — Не спеши с выводами.

Кравцов не стал спорить. Время утекало.

— Что вы хотите от меня? — спросил он прямо.

— Отправляйся в эпицентр. Найди «Сердце Феникса». Это артефакт, который, возможно, удерживает Зоны от полного слияния. Если ты сможешь его стабилизировать — мы выиграем время.

— А если не смогу?

— Тогда через трое суток Москва превратится в пепел.

Тишина повисла в зале, густая, как смола. Кравцов слышал, как где-то в вентиляции шумит воздух, как трещат мониторы. Он не знал, верить ли Морозову, но понимал: выбора нет.

— Кто летит со мной? — спросил он.

— Северцева. И двое оперативников: Соколов и Маркова. Они уже в ангаре.

— А американцы?

— Уже там. Вышли на связь с нашей разведкой. Их группа — шесть человек. Они идут к эпицентру с востока.

— Они знают о «Сердце»?

— Скорее всего, да. Поэтому у тебя мало времени.

Кравцов кивнул и вышел. В коридоре его догнала Северцева.

— Вы сомневаетесь? — спросила она.

— Я всегда сомневаюсь. Это помогает выжить.

— Хорошо. Сомнение — это признак ума.

Она усмехнулась, но глаза остались серьёзными.

Склад снаряжения был холодным и гулким. Северцева выдала Кравцову серебристый защитный костюм — лёгкий, но плотный, со встроенными датчиками и автономным источником кислорода.

— Он выдержит излучение? — спросил Кравцов.

— На периферии — да. Внутри Зоны — не знаю. Испытаний не проводили.

— Утешительно.

Она помогла ему застегнуть замки. Пальцы у неё были холодными, но движения уверенными.

— Кравцов, — сказала она тихо. — Если со мной что-то случится, вы должны продолжать. Без остановки.

— Зачем вы это говорите?

— Потому что вы можете застрять в попытке спасти меня.

А спасти нужно всех.

Он посмотрел на неё. В её серых глазах была усталость, но не страх. Странное спокойствие.

— Я не оставлю вас, — сказал он.

— Это ошибка.

— Посмотрим.

Через два часа они сидели в грузовом отсеке военнотранспортного самолёта. Соколов — высокий, с квадратной челюстью и потухшим взглядом — проверял оружие. Маркова, молодая женщина с коротким ёжиком светлых волос, что-то тихо шептала, перебирая чётки. Кравцов закрыл глаза и попытался уснуть, но в голове крутились уравнения

с неевклидовыми углами. Они всплывали из памяти, как пузыри со дна.

Где-то над Уралом он почувствовал чужое присутствие. Не голос — скорее давление, как будто кто-то смотрел изнутри его черепа. Перед закрытыми веками поплыли символы. Они складывались в строки, затем рассыпались. Кравцов хотел открыть глаза, но не смог.

— Ты увидишь то, что не предназначено для глаз, — раздался шёпот, но не в ушах, а прямо в мозгу. — Не сопротивляйся. Смотри.

И Кравцов увидел. Он стоял в центре огромного зала, стены которого были покрыты уравнениями. Перед ним, в круге света, лежало нечто, похожее на сердце. Оно пульсировало, но не кровью, а светом. Каждый удар порождал волну, искажающую пространство. И на этом сердце были написаны те же символы, что и на коже Феникса.

— Что это? — спросил Кравцов.

— Ключ, — ответил шёпот. — Но ключ не отпирает. Он запечатывает.

— Запечатывает что?

— Дверь, которую мы открыли.

Кравцов хотел шагнуть вперёд, но пол под ногами провалился, и он полетел в темноту.

Очнулся он от того, что Северцева трясла его за плечо.

— Кравцов! Проснитесь!

Он открыл глаза. Самолёт снижался. За иллюминатором

— бескрайняя белая тайга, расчерченная тенями от низкого солнца.

— Вы кричали во сне, — сказала Северцева.

— Что я кричал?

— «Не запечатывай». Вы повторяли это несколько раз.

Кравцов вытер пот со лба.

— Я видел что-то. Сердце. Оно пульсировало.

Северцева побледнела.

— Вы видели «Сердце Феникса»?

— Не знаю. Возможно.

— Это плохо. Значит, Феникс установил с вами связь.

— Это опасно?

— Скорее всего, да. Но это может и помочь. Вы теперь настроены на Зону.

Самолёт приземлился на заснеженном аэродроме. Здесь их ждал вертолёт. Пилот, пожилой мужчина с обветренным лицом, мрачно сообщил:

— Довезу до отметки пятнадцать километров. Дальше нельзя — аппаратура сходит с ума.

Вертолёт поднялся. Под ними проплывала тайга — чёрные ели, белые поляны. Через полчаса Кравцов увидел границу Зоны. Она была похожа на линию, проведённую невидимой рукой: по одну сторону — обычная зима, по другую — чернота, из которой торчали вывернутые наизнанку деревья. Небо над аномалией переливалось, как нефтяная плёнка, и в этих переливах угадывались силуэты — не то птиц,

не то чего-то другого.

Вертолёт затрясло. Приборы зашкалили.

— Всё, дальше не могу! — крикнул пилот. — Высаживайтесь!

Они прыгнули на снег. Лопастى ещё вращались, поднимая белую пыль. Вертолёт тут же ушёл вверх, оставив их одних.

Соколов передёрнул затвор. Маркова перекрестилась.

— Он не вернётся за нами, да? — тихо спросила она, глядя вслед вертолёту.

— Нет, — ответил Кравцов. — Не вернётся. Надеяться нужно только на себя.

Маркова кивнула, пряча чётки в карман.

— Идём, — сказал Кравцов.

Они двинулись к границе. С каждым шагом воздух становился тяжелее, а звуки — глуше. Снег хрустел под ногами, но этот хруст казался приглушённым, как будто уши заложило ватой.

Через час они вышли к линии. Теперь Зона была в нескольких метрах. Кравцов видел, как снег на её территории медленно поднимается вверх, к небу, как будто гравитация работала наоборот. Деревья стояли вверх корнями, ветвями в землю. Где-то в глубине раздавался низкий гул, похожий на стон огромного существа.

— Проверьте снаряжение, — скомандовал Кравцов.

Все датчики работали. Кислород в норме. Оружие заря-

жено.

— Готовы? — спросил он.

Северцева кивнула. Соколов и Маркова молчали.

Кравцов сделал первый шаг. Его нога пересекла невидимую черту.

И в этот момент мир не перевернулся — он исчез. На долю секунды не стало ничего: ни звука, ни света, ни собственного тела. Только пустота, холодная и бесконечная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.